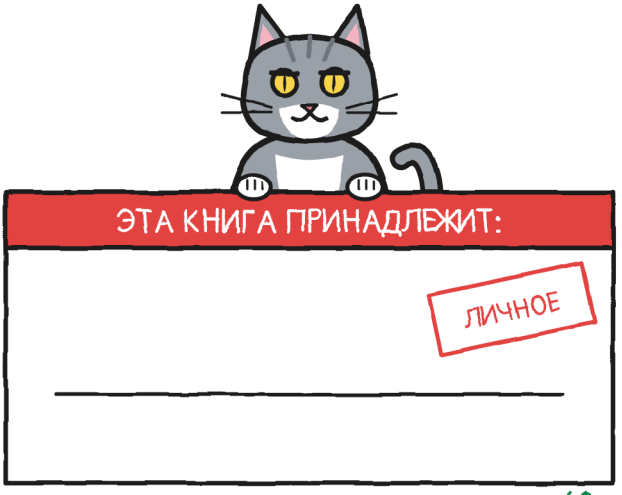

И больше никому. —Ю.

Если найдёшь её, не открывай до грома.

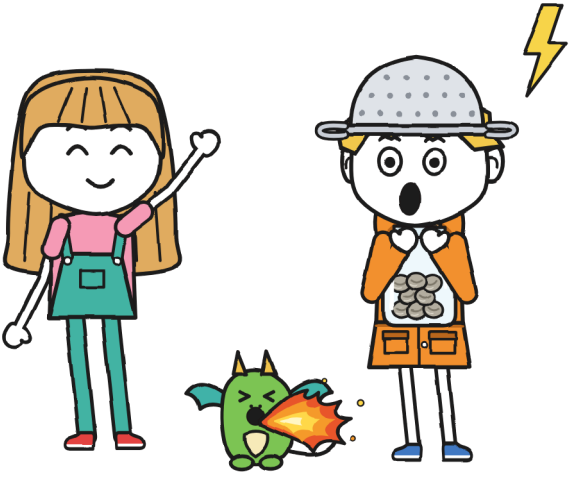

Эта печать означает то, что бывает только в сказке: ты так не делай. Если это длится несколько страниц, там написано ОТСЮДА и ДОСЮДА. В настоящую грозу главная — последняя страница. —Ю.

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 2

Не открывать до грома

Lui Eriksson

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

НЕВОЗМОЖНЫЕ ДОСТАВКИ · 2

Не открывать до грома

Вторая книга серии. Первая: «Эта посылка кусается».

Текст и иллюстрации: Lui Eriksson

Русская версия: LinguAula

РАЗМЕР XL · Иллюстрированный роман · 13+

Первое издание: 2026

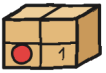
© 2026 Lui Eriksson · info@linguaula.com

Можно свободно копировать — для класса и для дома.

Шрифты: Andika, Pangolin, Caveat и IBM Plex Mono (лицензия SIL OFL).

Занимайся по каждой главе на linguaula.com

Ни один гром не пострадал при написании этой книги.
—Ю.

ГЛАВА 1

Охотник за грозами

В магазине напротив лежит посылка, которая дрожит.

В прошлую субботу она шевельнулась всего один раз. С тех пор не останавливается: мелкая, ровная дрожь, как у маленькой собачонки в приёмной у ветеринара. Так продолжается уже семь дней. С каждым днём чуть сильнее.

А у меня новая тетрадь.

Тетрадь № 1 у меня кончилась. Мара, хозяйка «Невозможных доставок», дала мне эту: синяя обложка и красная печать магазина в уголке. На первой странице я написал название, с одним новым словом:

ТЕТРАДЬ ДОСТАВОК 2 · Гуни. ОФИЦИАЛЬНАЯ.

«Официальная» значит, что я читаю её первой. Официально. —Ю.

Мара говорит, что в официальных тетрадях не рисуют. Посмотрим: в этой уже есть рисунок.

Что нужно знать про прошлую тетрадь: две субботы назад мы с Юлей (той, что пишет зелёные записки) ночью, по мостику и без единого взрослого, доставили яйцо, которое никто не мог доставить годами. Теперь это Крошка, малышка-дракон, которая всё за мной повторяет. Мара, ведьма из магазина, нас наказала: каждую субботу там, в десять. Я новенький в районе, и почти всё моё до сих пор лежит в коробках.

Дрожит посылка № 2. Она стоит на полке возвращённых, и на ней этикетка, которую я знаю наизусть: я читал её каждый вечер этой недели, стоя и не прикасаясь, пока Мара делала вид, что меня не замечает:

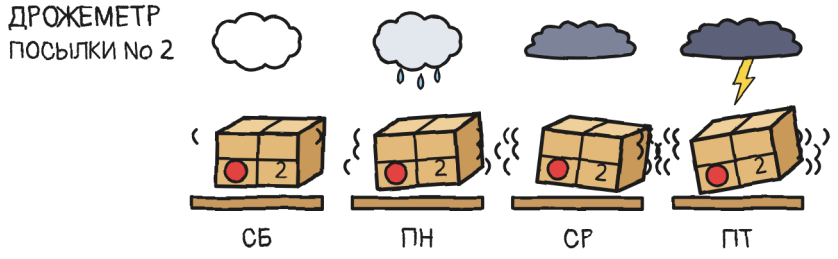
- № 2 · ХРУПКОЕ.
- КУДА: Флора, Канальная улица, 9.
- ИНСТРУКЦИЯ: НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО ГРОМА.
- ОТПРАВИТЕЛЬ: R.

Вокруг — двадцать три штампа ВОЗВРАЩЕНО. Я пересчитал их дважды, на случай, если какой-нибудь отвалился.

Возвращённая посылка — это посылка, которую никто не смог доставить: если получатель не распишется на ней чернилами, которые не стираются, на рассвете она улетает обратно на свою полку и встаёт в ряд, как утки. Осталось девятнадцать: так написано на стене зелёным, Юлиным почерком, а то, что Юля пишет зелёным, не стирается. Все их

присылает один и тот же человек, R., и про R. известно только одно: почерк ужасный.

Каждый вечер я записывал, как сильно она дрожит и какая стояла погода; так получился ДРОЖЕМЕТР ПОСЫЛКИ № 2. В пятницу на тучке был нарисован удар молнии.

Дрожит не от страха: идёт гроза. В субботу, в шесть вечера. Я шесть раз проверила прогноз. —Ю.

Я прочитал записку дважды. Во второй раз — только про шесть.

В субботу в десять Мара — фиолетовая шляпа, печать, которая сыплет искрами с запахом задутой свечи — ждала нас за прилавком с посылкой № 2 в руках. Не на полке: в руках. Рядом с печатью по-прежнему сидела резиновая лягушка, моя с тех пор, как перестала быть ничьей. А Тоньо, курьер «МОЛНИИ», стоял в каске: по субботам он тоже наказан, а наказания Тоньо отбывает так, как возит заказы, — вовремя и ничего не снимая.

— Двадцать три раза я носила её сама, — сказала Мара. — И ни разу в грозу.

Мара провела большим пальцем по этикетке. Я посмотрел на витрину, с каждой минутой всё более серую: сегодняшний рейс будет не такой, как раньше.

— Эту, — объявила Мара, — доставите вы. Сегодня вечером.

Юля подпрыгнула так, что чуть не достала до таблички ОСТАЛОСЬ 19, и ещё в воздухе заговорила. Я не прыгал: у меня остались два слова, «сегодня вечером», и один час, шесть, и они весили больше, чем посылка.

Мара поставила три условия и пересчитала их по пальцам:

1. Выходите в пять, пока не началась гроза, и сидите у Флоры, пока она не кончится.
2. Ваши семьи уже знают, и Флора тоже.
3. Правило то, что на этикетке: не открывать до грома. И гром должен быть над головой: далёкие не считаются.

Я узнал этот трюк: это были почти те же правила, что в нагоняе от Веры, хозяйки Крошки, только сказанные заранее, а не потом. Мара на нагоняе не была и всё равно узнала: в этом районе нагоняи приходят раньше посылок.

— А вы не идёте? — спросила Юля.

— У меня тут дела, — ответила Мара и посмотрела через витрину на небо, которое становилось серым.

В конце прилавка лежали сложенное одеяло, лыжные наушники и ковшик. Я всё видел. Я смотрел на посылку.

Тут Юля посмотрела на меня.

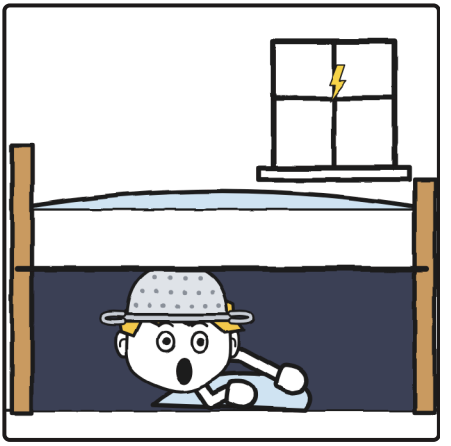
— А тебе нравятся грозы?

Она спросила, глядя прямо на меня. Я мог бы сказать правду. Я сказал вот что:

— Обожаю. В моём прежнем районе я был профессиональным охотником за грозами.

В прошлой тетради ложь вернулась через день и ночь. В этой я решил сократить ей путь: нарисовал ложь в то же утро, а в соседнем кадре — правду.

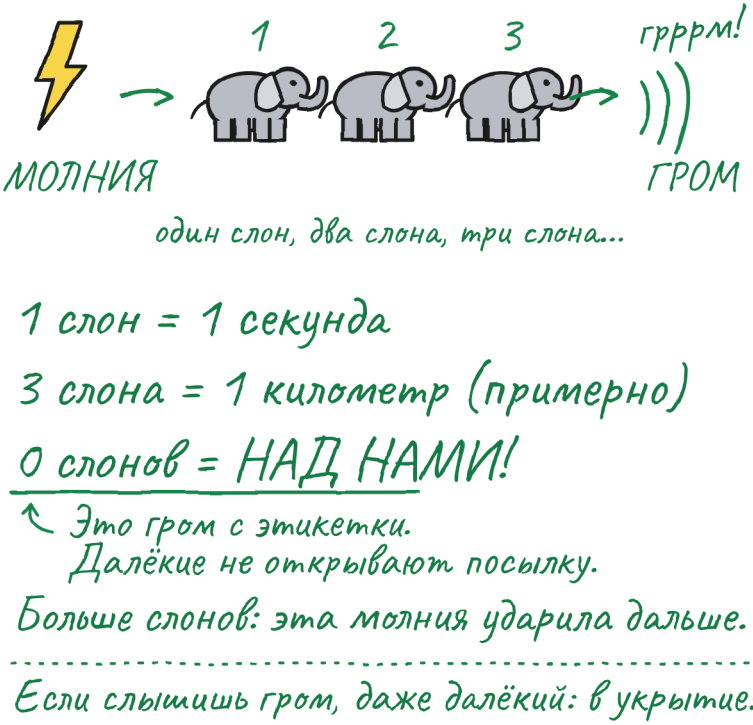

Дуршлаг был наш, кухонный, стальной, с двумя ручками. Молнию он не останавливал. Мне помогало, когда на голове что-то лежит. Сейчас он был в какой-то коробке с переезда, рядом с ножницами, которые мама искала уже неделю.

Юля научила меня считать грозу — в моей тетради, не спросив разрешения, зелёным.

Считают от молнии до грома, слонами: «один слон» длится примерно секунду, а каждые три слона — это километр. Так можно примерно узнать, как далеко ударила молния; куда ударит следующая — нельзя. И ещё счёт не говорит, когда можно выходить, а это, по словам Юли, другое правило, без рисунка: через полчаса после последнего грома.

Я попробовал про себя, и у меня получились слоны очень быстрые, от которых толку нет. Мне ничего считать не требовалось, ведь я обожаю грозы, но я всё равно записал, на всякий случай.

Тоньо прочитал этикетку у меня из-за плеча — как читает всё, что не его.

— «МОЛНИЯ» в грозу не доставляет, — сказал он и показал нам мелкий шрифт на своём жёлтом рюкзаке:

ДОСТАВКА «МОЛНИЯ» · ЗА ДЕСЯТЬ МИНУТ ИЛИ БЕСПЛАТНО и, в лупу Юли, звёздочку: *Кроме грозы.

— Грозы ведь ещё нет, — заметила Юля.

Тоньо перечитал мелкий шрифт на случай, если там что-нибудь сказано про «ещё». Ни слова.

Так что Тоньо пошёл с нами. Слонов он считает одним махом, «раздватри!», будто это доставка. По Тоньо, все грозы находятся за километр. Не знаю, храбрость это или нехватка слонов.

В пять я сбегал домой за дождевиком, а Юля подождала у подъезда. Мама ждала меня у двери квартиры, и дождевик свисал у неё с руки. У неё есть теория про оранжевый: что его видно издалека. Откуда она собирается смотреть, я так и не понял.

— Надень оранжевый, — сказала она. — Ты точно хочешь идти? Ведь ты, когда гремит...

— ПОКА, МАМА!

Я скатился по лестнице через две ступеньки. Я рассчитал, что в эхе подъезда половина маминой фразы по дороге потеряется. Не потерялась. Юля стояла внизу.

«Ведь ты, когда гремит...» ЧТО? —Ю.

Мы шли по Большому мосту, и небо чернело с каждым шагом. Ночью его разводят, чтобы пропустить корабли; днём по нему ходят все, а в тот час шли только мы и один спешащий господин в обратную сторону, а это правильная сторона, когда надвигается гроза. Я нёс посылку № 2 обеими руками, очень прямо. Тоньо катил велосипед рядом: медленнее я не видел, чтобы ехала «МОЛНИЯ», если только она не заблудилась.

На середине Юля поприветствовала воду своим сухим жестом: рукой, коротко, не улыбаясь, как человека, который ей не нравится. Она делает так с той ночи на мостике. Кажется, это договор: она здоровается, а вода её пропускает.

Далеко-далеко вспыхнуло небо.

Моргнуло за тучами, беззвучно, как будто кто-то включает и выключает свет в комнате, где тебя нет. Юля остановилась как вкопанная и стала считать слонов шёпотом, с закрытыми глазами. Тридцать, и только тогда донёсся звук. Я считал вместе с ней, про себя, моими очень быстрыми слонами, и у меня вышло сорок два.

Гррrм.

— Километров десять до этой молнии, — прикинула она. — По прогнозу гроза будет к шести.

— Прогремело! — воскликнул Тоньо. — Уже можно открывать?

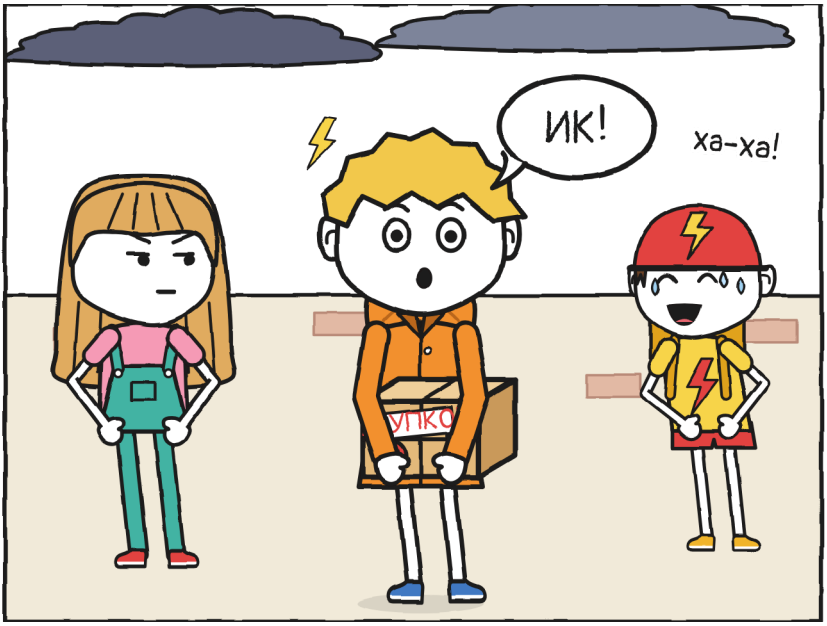
— Для посылки этот не считается, — сказала Юля, не открывая глаз. — До него десять километров, а гром с этикетки — тот, что над головой: ноль слонов. Но слышно уже: в укрытие! Бегом!

Я побежал к Канальной улице, делая вид, что ничего не слышал. Ни «гррrм», ни про шесть.

— Это что, ик? — спросила Юля, не замедляя шага.

— Нет, — сказал я. — Ик!

Тоньо согнулся над рулём и хохотал так, что велосипед повело в сторону. Юля не смеялась. Она прищурилась, как когда читает что-то, чего нет на бумаге.

Гром — и ик: у меня это с детства. Если гроза далеко, ик остаётся один; если над головой, приходит ещё один, и ещё, каждые три секунды, пока гроза не уйдёт. Это не страх. Это то, что делает моё тело, не спросив меня, как рост или чихание, и, как рост, оно не останавливается оттого, что состроишь лицо. Я знаю, я пробовал с любыми лицами.

Это называется страх. —Ю.

На Канальной улице Вера, рыжая, уже ждала нас у двери Дома Драконов, вплотную к дверям Флоры, с Крошкой на руках. Крошка, как только меня увидела, сделала моё лицо: она всегда так — смотрит секунду, проверяет, какое у меня лицо, и надевает такое же.

Я поставил посылку № 2 в корзину на велосипеде Тоньо и раскрыл руки.

— У неё первая гроза, — сказала Вера и передала Крошку мне. — Она всё за тобой повторяет, Гуни. И то, что ты чувствуешь, тоже. А если испугается, не тяни её: она цепляется. Когда всё кончится, три удара по ограде двора Флоры, и я за ней приду.

— Я ничего не чувствую, — ответил я. — Я обожаю грозы.

Я сказал это, выпятив грудь, и Крошка у меня на руках выпятила грудь так же, с вытянутой шеей: живое изображение того, кто обожает грозы, в двух размерах. Вера посмотрела на нас обоих, один на другом, с одним лицом на двоих, и ничего не сказала. Вера приберегает слова до тех пор, когда они нужны.

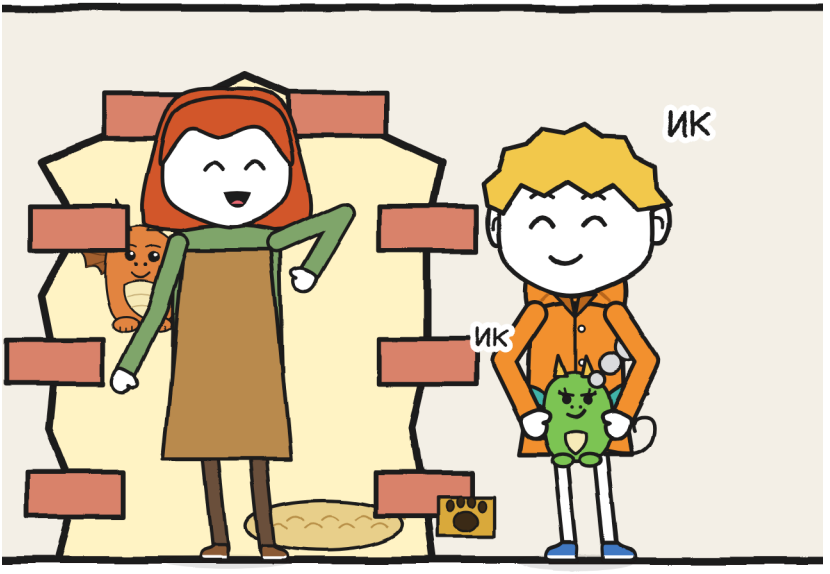
Вдали загремело. Я икнул. Крошка икнула, и у неё пошёл дым из носа.

— Внутрь, быстро, — отрезала Вера и подтолкнула нас к двери Флоры.

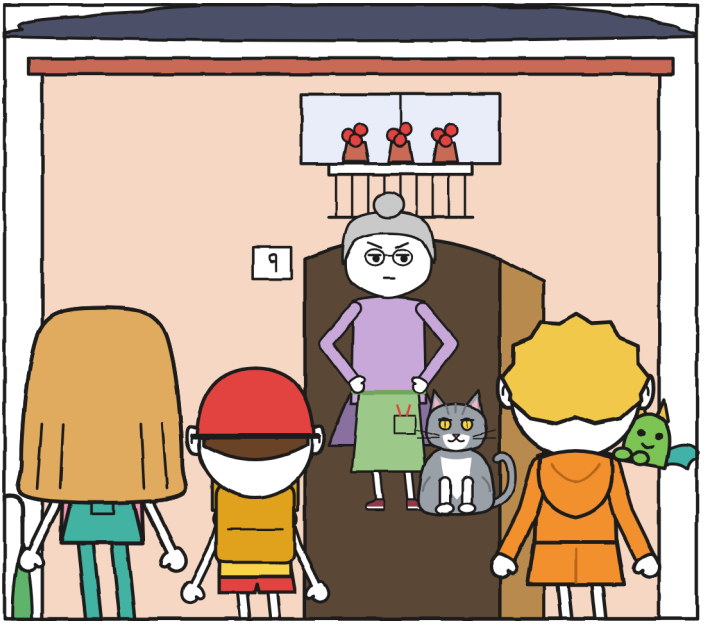
Дом Флоры — тот, что с геранями, с балконом, с которого на нас смотрела какая-то женщина две субботы назад, держа лейку в воздухе.

Она открыла дверь раньше, чем мы постучали: женщина с седым пучком и очками, в зелёном садовом фартуке со множеством карманов, а у ног — серый кот с белой грудкой, который посмотрел на нас как на посылку, предназначенную

не ему. Она посмотрела на коробку. Посмотрела на небо. Посмотрела на Крошку. В таком порядке, и на каждое потратила одно и то же время, то есть немного.

— Малышка Веры. Лишь бы не спалила мне папоротники, — сказала она. — Проходите, сейчас польёт. Но предупреждаю: за камни я не расписываюсь.

٩

ОДНА ИСТОРИЯ, ШЕСТЬ РАЗМЕРОВ

Эта книга существует в шести размерах, для детей от 3 до 16 лет, и больше чем на 20 языках. XXS, XS, S, M и L рассказывают историю страница за страницей, на тех же рисунках и со всё большим числом оттенков. XL — это роман: та же история, в которой есть место для всего, что Гуни думает, но не говорит.

Уровни CEFR указаны приблизительно: XXS, pre-A1 · XS, A1 · S, A2 · M, B1 · L, B2 · XL, B2–C1.

Каждому — свой размер. Гроза одна. —Ю.

ДЛЯ СЕМЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ

Занимайся по каждой главе на linguaula.com (с заданиями размера L)